

Подвижничество — безвредно, изучение наук — безопасно, предписания Вед согласно каждой касте — не пагубны, обогащение при помощи стараний — не предосудительно; но они же, примененные с дурным умыслом, ведут к гибели.

*Махабхарата,
Книга Первая, шлока 210*

Земля — зола, и вода — смола,
И некуда вроде податься,
Неисповедимы дороги зла,
Но не надо, люди, бояться!

Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет:
— Я знаю, как надо!

Кто скажет:
— Тому, кто пойдет за мной,
Рай на земле — награда!

А. Галич

ПРОЛОГ

Пестрый удод был очень занят. Пополудни он чуть было не достался старому коршуну-проглоту с отрогов Махендры, Лучшей из гор (бедняга удод возражал против такого определения, но его мнением никто не интересовался); и теперь приходилось наверстывать упущенное. О Гаруда, мощнокрылый царь пернатых, способный нести землю на одном крыле! До чего же глупо поступают люди, используя зернышки плодов акша-дерева в качестве игральных костей! Игра — штука ненадежная: сегодня тебе везет, а завтра последние перья сдерут, вместе с кожей, тонкой, ни на что не годной кожицей в синих пупырышках! Мудрые знают: куда

полезнее без затей клюнуть зернышко, запрокинуть голову, глотнуть, клюнуть другое, третье...

На миг оторвавшись от увлекательного времяпрепровождения, удод вздрогнул и подпрыгнул, тряся пушистым хохолком. Нет, почудилось. И все же: словно листья на ветвях, колеблемые ветром, вдруг издали глухое бряцание, как доспехи под мечами, словно шелест травы наполнился звоном металла и ржанием коней, словно в лепете серебряного ручья прорезались гневные возгласы и хрип умирающих, словно уханье боевых слонов вплелось в птичий гам... Еле слышно, на самой границе доступного — иллюзия, майя, любимое развлечение судьбы.

Пришлось склевать зерно-другое для успокоения бешено стучащего сердечка. Закусив тутовым червячком, маленький удод перепорхнул ближе к корявому стволу шелковицы. Закопошился меж корней, выступавших наружу узловатыми жилами, встопорщил оперение и тут же, судорожно заработав крыльями, вернулся на прежнее место.

Воистину сегодняшний день обладал всеми неудачными приметами: от шакальего воя с левой стороны света до карканья голубой сойки-капинджалы с правой! Вряд ли можно назвать удачей попытку клюнуть желтый ноготь на ноге отшельника-аскета — пусть неподвижность человека и была сродни неподвижности вросшего в землю валуна. Даже длинная грязно-седая коса, похожая на мочальный жгут, не кольхалась от ласки ветра — змеилась себе вдоль торчащих позвонков хребта, раз и навсегда застыв проволочной плетью.

Всю одежду недвижимого обитателя Махендры составляла узкая полоска грубой ткани, прикрывающая чресла; над правым плечом вился слепень, жужжал раздраженно, но не садился. То ли понимал, что здесь особо нечем поживиться, то ли был прозорливее глупого удода.

Птица склонила головку набок и сверкнула черной бусиной глаза.

Словно в ответ, веки отшельника дрогнули. Качнули выцветшими ресницами, и вскоре в провалах глазниц запле-

скались озера кипящей смолы, заходили крутыми валами, ярясь агнцами-барашками; будто адская бездна Тапана смотрела на мир из души аскета. Такой взгляд подобает не дважды рожденному брахману, погруженному в созерцание истинной сущности, а скорее гневному воину-кшатрию, чей закон и долг — пучина битвы и защита подданных. Вряд ли причиной выхода из отрешенности послужил глупый угод: захоти аскет, пламени его взора хватило бы, чтоб испелить на месте любого виновника. Окажись дерзкий великим раджей, владыкой людей, лохматым ракшасом-людоедом или божеством из Обители Тридцати Трех — все равно, пепел есть пепел, чей бы он ни был.

Пришпиленная к земле этим страшным взглядом, птица затрепыхалась, не в силах сдвинуться с места. Даже не сообразила, бедняжка, что аскет обращает на нее внимания не более, чем на жужжание слепня или на вечное движение Суры-Солнца по горбату небосводу.

Сухие губы человека разлепились, дернулись струпами вокруг застарелой язвы рта, и во вновь упавшем из ниоткуда шуме битвы родились слова.

Шершавые и пыльные; не слова — песок в горсти.

— Они все-таки убили его... бедный мальчик!

Удоду чудом удалось извернуться и забиться в спасительную гущу олеандровых кустов. Протискиваясь глубже, пытаясь стать маленьким, меньше муравья, он вжимал голову в перья, а слова догоняли, ранили, тыкали в тощие бока пальцами; и клюв коршуна показался в эту минуту чуть ли не избавлением от мук.

— Бедный мальчик! Если б они еще ведали, что творят...

Пальцы аскета червями соскользнули с пергаментной кожи бедра — только сейчас стало отчетливо видно, что отшельник чудовищно, нечеловечески стар, — и раздвинули стебельки травы рядом с левой ягодицей. Жест был машинальным, неосознанным, и кончики непослушных пальцев мигом замерли, вместо земли погладив холодный металл: рядом с огненноглазым аскетом, ушедшим от мира, лежал топор... нет, боевая секира, на длинном древке, увешанном

колокольцами. Тонкое полулунное лезвие украшала гравировка. Белый бык, грозно вздыбивший косматую холку. Тавро Шивы-Разрушителя.

Даже в пламени костра этот металл оставался ледяным, подобно снегам Химавата.

— Бедный мальчик, — еще раз повторил аскет и устало смежил веки.

Храп бешеных коней ушел из журчания ручья, лязганье металла покинуло шелест листвы, и в недовольном ворчанье слепня перестал крыться скрежет стрелы, скользящей по панцирю.

Только где-то далеко плакала женщина, захлебывалась рыданиями; но и плач в конце концов стих.

Воздух плавился под лучами заходящего солнца.

Тишина ненадолго воцарилась на поляне. Вскоре покой Махендры, лучшей из гор, опять был нарушен: приближался кто-то шумный и совершенно не намеревающийся скрывать свое появление. Хруст, шорох, раздраженный рык, проклятие острым шипам, которые имеют привычку исподтишка втыкаться в бока почтенным людям — и спустя миг между двумя розовыми яблонями объявляется кряжистая фигура нового гостя.

О таких говорят, что они способны переבודать буйвола. Особенно если учесть, что пришелец незадолго до того приложился к сосуду с хмельной гаудой, крепким напитком из патоки. И, судя по покрасневшим белкам глаз и аромату хриплого дыхания, приложился не единожды.

— Приветствую тебя, Бхаргава¹, — громогласно возвестил гость, нимало не стесняясь нарушить своим воплем покой святого человека.

После чего вперевалочку принялся совершать ритуальный обход сидящего по кругу слева направо — символ почтения, уважения и всего хорошего, что только можно символизировать на этом свете.

Богатые одежды любителя гауды пребывали в живопис-

---

¹ Б х а р г а в а — потомок Бхригу, легендарного мудреца.

нейшем беспорядке, косо повязанный тюрбан из полосатого шелка норовил сползти на брови, а пятна жира вперемешку с винными кляксами украшали ткань в самых неожиданных местах.

— Не ори, тезка, — по-прежнему с закрытыми глазами ответил аскет. — Ты что, за последнее время научился обходительности — именуешь меня безличным именем? Я — Бхаргава, мой отец — Бхаргава, дед мой — тоже Бхаргава, и так до самого родоначальника Бхригу... а он, как известно тебе не хуже меня, детишек настрогал — любой позавидует! Любил старик это дело...

Гость смущенно засопел, прекратив обход на середине круга.

Услышав такое сопение, даже носорог, пожалуй, пустился бы бежать без оглядки.

— Сам знаешь, — сообщил гость, глядя в сторону и стараясь не дышать на аскета, — норов у тебя еще тот... Собачий норов, не сочти за грубость. Раз на раз не приходится. Что ж мне, так и заявлять: дескать, Рама-Здоровяк по прозвищу Сохач желает здравствовать Рама-с-Топором? А тут как раз тебя пчела в задницу укусила, ты меня возьмешь и проклянешь сгоряча — мотайся потом крысиным хвостом лет эдак двести! Нет уж, лучше мы по старинке, как положено...

— Ну и дурак. — Слышать такое от аскета, лишеного страстей, было по меньшей мере странно. — Сказал бы то же самое, но вежливенько, на благородном языке дважды рожденных или хотя бы на языке горожан и торговцев, а не на этом жутком наречии пишачей-трупоедов, которым только спьяну чепуху молоть! Вот и вышло бы: Баларама Халаюдха, Владыка ядавов, приветствует Парашураму, тишайшего отшельника, сына Пламенного Джамата! Как звучит, тезка! Хоть в Веде вставляй, для примера юношам! Учить мне тебя, что ли?

— Тишайшего, — со значением хмыкнул Баларама, довольный таким поворотом разговора. Во всяком случае, проклинать его аскет явно не собирался. — Меня, что ли, именуют Истребителем Кшатры? Я, что ли, гулял в Пятиозерье

со своим топориком, да так гулял, что в каждом озере кровь вместо воды потекла? Я, что ли, своих предков этой самой кровушкой вместо святых возлияний поил?! Лес вокруг тебя — он и впрямь тишайший...

— Был. Пока ты через него не поперся, — закончил аскет, любовно поглаживая лезвие секиры. — Лучше ты мне вот что скажи, Здоровяк, раз явился... Ты единственный, кто устранился от этого побоища, которое они гордо именуют Великой Битвой?

Баларама подошел поближе и уселся прямо на траву, скрестив ноги. Теперь стало видно, что он отнюдь не так пьян, как хотел казаться, и что Рама-Здоровяк по прозвищу Сохач, что называется, с молодых ногтей привык управляться со своей непомерной силой. Садился тихо, бесшумно, словно не он только что ломился сквозь чащу бешеным вепрем; мощные руки, напоминающие два слоновьих хобота, скрестил на груди, боясь задеть невзначай что-либо — видать, не раз задевал, и последствия были Балараме хорошо известны.

— Не единственный, тезка. Еще Рукмин из племени бходжей.

— Рукмин-Бходжа? Ученик царя оборотней Друмы? Обладатель одного из трех Изначальных Луков?! Интересно, как ему это удалось?

Баларама покусал губу, отчего его пышные усы встопорщились, и недоверчиво покосился на Раму-с-Топором. Было видно, что он полагает малую осведомленность аскета исключительно притворством, но заострять на этом внимание не решается.

Уж лучше ответить, когда спрашивают...

— Хитрец Рукмин перед самой битвой явился по очереди к предводителям обеих сторон. Явился шумно, с кучей войска, с гонгами-барабанами, и начал с одного и того же заявления: «Если ты боишься, о повелитель, то отринь страх: я — твоя защита в сражении!»

Аскет шипяще расхохотался, прогнув тощую спину.

Ни дать ни взять священная кобра раздула клобук и напомнила тварям, кто есть кто.

— Ах, умница! Узнаю школу Друмы-оборотня! Ну конечно же! Небось оба ответили ему: «Это я-то боюсь?! Это ты...»

— Вот-вот! Только в несколько иных выражениях! А Рукмин, не будь дурак, извинился, развернулся и поехал себе домой с чистой совестью! Разве что лук свой, один из Троицы, подарил — сам небось знаешь, кому!

В чаще раздался скрипучий вопль тоскующего павлина. Приближалась васанта — сезон весенних дождей, — и радужные хвосты птиц помимо воли раскрывались веером, а длинные глотки рождали звуки, свойственные скорее разгулявшейся нежити на заброшенных кладбищах.

Ругнувшись сгоряча, Баларама моргнул и сам же широко улыбнулся, дивясь своей вспылчивости.

— Орет как оглашенный, — буркнул силач, словно извиняясь. — И как ты спишь на этой Махендре? Павлины вопят, муравьи в нос заползают, того и гляди змея за ляжку цапнет!

— Меня змеи не трогают, — сухо отозвался аскет, больше занятый обдумыванием поступка хитроумного Рукмина.

— Это верно. Главное, чтоб ты их не трогал... шучу, шучу! Люди опаснее змей, отшельник. Пройдет время, и все припомнят: кто от бойни уклонился, кто на Махендре задницу просиживал, пока ученики любимые головы клали, братьев-дядьев стрелами истыкивали! Все вспомнят, все, ни единой капельки не обронят!

— Если будет кому вспоминать, — шевельнулись сухие бескровные губы.

— Твоя правда. Только...

Баларама вдруг дернулся, судорожно тряхнув широчеными плечами, и уставился на аскета, будто впервые обнаружив его сидящим на поляне.

— Тебе было видение? Да, тезка?!

— Да, Здоровяк. Мне было видение. Сегодня они убили последнего из моих учеников. Вначале пал Дед, за ним —

Брахман-из-Ларца, а теперь пришла очередь Секача. Мы стоим на пороге Кали-юги, тезка, на пороге Эры Мрака.

— Которая закончится гибелью мира?

— Не болтай глупостей. Рама-Здоровяк по прозвищу Сохач, сводный брат Черного Баламута, знает не хуже Рамы-с-Топором, сына Пламенного Джамада, — Эра Мрака не заканчивается гибелью мира.

Аскет помолчал. Странными бликами отливала пепельная кожа его иссохшего тела, обвитого тугими жгутами совсем не старческих мышц, и оставалось только надеяться, что это цвет возраста, а не пепла от сожженных трупов, которым полагалось умащаться всякому истинному отшельнику-шиваиту.

Маленькому удоу в зарослях олеандра было очень страшно.

Страшнее всех.

— Эра Мрака не заканчивается гибелью нашего мира, — сухо повторил сын Пламенного Джамада. — Она ею начинается.

Книга первая
ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ
ПО ПРОЗВИЩУ
ВЛАДЫКА ТРИДЦАТИ ТРЕХ

Зимний месяц Магха, 27-й день

НАЧАЛО КОНЦА

Чтение этих глав есть благочестие и непреходящий свет; тот, кто аккуратно будет повторять их слово за словом во всякий день новолуния и полнолуния, обретет долгую жизнь и путь на небо.

Глава I

КОГДА БОГИ МОРГАЮТ

1

Сон отпускал меня неохотно, словно обделенная ласками любовница. Было трудно вынырнуть из пуховой тучи забытья, сулящей все радости, какие только могут прийти на ум. Еще трудней было разлепить ресницы и взглянуть на потолок, расписанный блудливыми павлинами и не менее блудливыми богами, часть из которых я не раз заставал в самый разгар подобных развлечений, после чего приходилось либо раскланиваться, либо присоединяться.

За окном приглушенно шумела Обитель Тридцати Трех. Это удивило меня. По идее, едва мои веки дрогнут, крыла-

тые гандхарвы-сладкопевцы должны во всю глотку славить величие и славу Индры-Громовержца, Стосильного, Стогневного, Могучего-Размогучего, Сокрушителя Твердынь и так далее.

Короче, меня.

Надо будет приказать князю моих горлопанов: пускай проследит, кто из гандхарвов оплошал, и организует виновникам по земному перерождению. Годков на семьдесят-восемьдесят, не меньше. Поплавают крокодилами в Ганге, поплачут горячими слезами... или пусть их.

Что-то я сегодня добрый.

Подхватившись на ноги, я — как был, в одной набедренной повязке — вихрем вылетел из опочивальни, пронесся мимо разинувших рот карл с опахалами и простучал босыми пятками по плитам из ляпис-лазури, покрывавшим пол зала.

Пышногрудая апсара в коридоре вытирала пыль с подоконника, украшенного тончайшей резьбой: я убиваю Змия, я убиваю Вихря, я убиваю кого-то еще, такого мелкого, что и не разберешь-то... Облокотиться о льстивый подоконник всегда казалось мне удовольствием сомнительным, особенно когда удовольствия несомненные находятся под рукой. Я походя шлепнул красотку по седалищу, достойному быть воспетым в историях походов этого проходимца Камы, разящего куда ни попадя из цветочного лука, — апсара взвизгнула, я издал страстный стон и в три прыжка оказался у притулившегося сбоку фонтанчика.

После чего плеснул себе в лицо пригоршню-другую ароматной воды и обернулся.

Такого ужаса, какой польхал в миндалевидных глазах апсары, я не видел со времен уничтожения Вихря. Проклятый червь... впрочем, речь не о нем.

Моя улыбка дела отнюдь не поправила. Скорее наоборот. Апсара по-прежнему стояла, зажимая рот ладонью, и глядела на меня, как если бы я только что на ее глазах засунул обе руки по локоть в человеческий труп.

— Ну, чего уставилась? — с нарочитой грубостью бросил я. Любого из дружинников гроза в голосе Владыки ми-

гом привела бы в чувство, апсара же совсем потеряла дар речи и только часто-часто заморгала, указывая попеременно на меня и на злосчастный фонтанчик.

— В-в-в... — дрогнули пухлые губы, предназначенные исключительно для поцелуев и любовных восклицаний. — В-в-владыка!.. Вы умылись!..

Сердоликовое ожерелье на ее шее брызнуло россыпью оранжевых искр — и в испуге погасло.

— Умылся, — воистину сегодня моему терпению не было предела. — И сейчас еще раз умоюсь. Тебе это не по вкусу, красавица? Ты предпочитаешь грязных владык?!

— Нет, господин, — кажется, она мало-помалу стала приходить в себя. — Просто... раньше вы никогда этого не делали!

Теперь настала моя очередь разевать рот и застывать столбом.

— Не делал? Ты уверена?!

— Разумеется, господин! Сами знаете: грязь не пристает к Миродержцам, к таким, как вы. Умываться?.. Ну разве что при посещении кого-то из смертных, когда вам поднесут «почетную воду»! И то вы больше вид делали...

— А так никогда?

— На моей памяти — никогда, господин!

Я задумался. Странно. Поступок еще минутою назад казался мне совершенно естественным, но слова апсары совсем сбили меня с толку. Действительно, сосредоточившись, я не мог вспомнить ни одного случая утреннего умывания. Омования — да, но омование вкупе с тесной компанией в водоеме, под щебет пятиструнной вины и ропот цимбал... Это скорее церемония, радующая душу, чем потребность в чистоте. А ополоснуть лицо, чтобы сбросить дрему и вернуть ясность взгляда заспанным глазам... Нет, не помню. Хотя мало ли чего мы не можем вспомнить только потому, что давно перестали замечать мелочи обыденности?

Так и не придя ни к какому выводу, я игриво ущипнул апсару за обнаженную грудь, рассмеялся, когда она всем телом потянулась ко мне, и двинулся дальше.

У лестницы, ведущей на первый этаж, облокотясь о перила балкончика, стоял величественный старик. Несмотря на жару, облачен он был в складчатую рясу из плотной кошенили и украшен цветочными гирляндами — шедевр ювелиров, от живых и не отличишь! Космы бровей вздымались снеговыми тучами над Химаватом, узкий рот был скорбно поджат, как обычно, а обвислые щеки в сочетании с крючковатым носом делали старца похожим на самца горной кушки.

Брихас, Повелитель Слов, великий мудрец и мой родовой жрец-советник, которого я в минуты хорошего настроения звал просто Словоблудом.

Он не обижался.

Он вообще никогда не обижался.

Может, потому, что был существенно старше меня и любого из Локапал-Миродержцев — а это, поверьте, много значит.

— Я счастлив видеть Владыку в добром расположении духа. — Уж с чем, с чем, а со словами Брихас обращался легко и непринужденно. — Душа моя переполнена блаженством, и осмелюсь доложить: во внутреннем дворе достойнейшие из бессмертных риши¹ уже готовы совершить обряд восхваления. Соблаговолит ли Владыка присутствовать?

Что-то в голосе жреца насторожило меня. Словно, повторяя заученные фразы, Словоблуд исподволь присматривался ко мне. И не как пугливая апсара. Скорее как присматривается отец к внезапно выросшему сыну или даже как мангуста — к замершей в боевой стойке кобре.

— Соблаговолит ли Владыка присутствовать? — вкрадчиво повторил Брихас. — Тогда я озабочусь, чтобы сюда доставили одеяния, достойные...

Переполнявшее его душу блаженство отчетливо булькнуло в глотке, заставив дернуться костистый кадык.

— Не соблаговолит, — я улыбнулся, отбрасывая стран-

---

¹ Риши — святые мудрецы.

ные подозрения, и еще подумал: не часто ли я улыбаюсь за сегодняшнее утро?

— Тогда я велю мудрым риши начинать не дожидаясь?

— Валяй! Только предварительно прикажи выяснить: почему при моем пробуждении молчали гандхарвы?

— Увы, Владыка, — накажи истинно виновных, но пощади покорных чужой воле! Гандхарвы молчали согласно моему приказу...

— Причина? — коротко бросил я.

— Вчера Владыка был раздражен зрелищем Великой Битвы на Поле Куру, длящейся уже две недели, и лег спать, оставаясь гневным. Поэтому я и рискнул отослать певцов-гандхарвов, предполагая, что по пробуждении...

Все было ясно. Предусмотрительный советник решил убрать безвинных певцов из-под горячей руки господина. Можно было выкинуть из головы нелепые подозрения и обрадовать своим появлением кого-нибудь еще, кроме пугливой апсары и достойного Брихаса.

Все было ясно, ясно и безоблачно. И все-таки: когда я побежал вниз по ступенькам, укрытым ворсистым ковром, так и не дослушав до конца объяснения Словоблуда, — жрец сверлил мне спину пристальным взглядом, пока я не свернул во внешний двор.

Я чувствовал этот взгляд.

2

Первым делом я заглянул в павильон для купания. Из упрямыства, надо полагать. Назло строптивой апсаре. Конечно, согласно этикету следовало дожидаться в опочивальне торжественного явления сотни и еще восьми юных прислужников, позволить им облачить себя в легкие одежды и под славословия гандхарвов прошествовать в сиянии золотых сосудов, которые все это сонмище несло бы за моей спиной...

В большинстве случаев я так и делал. Положение обязывает. Но иногда, вдохнув запах утра, отличного от тысяч обыкновенных рассветов, я позволял себе минуточку юности.

Не телесной, нет, с этим у Индры Могучего, Стосильного, Стогневного и так далее было все в порядке, чего и вам желаю, — зато со свободой... Ритуал порой давит на плечи тяжелей боевого доспеха, потому что к доспеху можно привыкнуть, а навязшие в зубах церемонии можно разве что не замечать.

Увы... увы.

В воде, благоухающей жасмином и наверняка освященной дюжиной соответствующих мантр, плескались апсары. Увидев меня, они смугились столь призывно и чарующе, что стоило большого труда не присоединиться к ним в ту же минуту. Тем паче что одет (вернее, раздет) я был самым подходящим образом. Но сверло во взгляде Брихаса до сих пор причиняло зуд моей спине. Поэтому я ограничился малым: помахал красавицам рукой и уселся на скамеечке, предназначенной быть подставкой для ног. Еще одна дань легкомыслию и вызов общественному мнению. Тем более что сиденье с высокой спинкой, выточенное из цельного куска эбенового дерева, стояло рядом. И восседать на нем полагалось исключительно мне; в крайнем случае — мне с апсарой-фавориткой на коленях.

Шачи, супруга моя дражайшая, в этом павильоне сроду не показывалась — чуяла, умница, что мужу нужны берлоги, где он может отдохнуть от семьи.

Соответственно и я смотрел на некоторые проделки богини удачи сквозь пальцы. И даже смеялся вместе с остальными, когда кто-нибудь из приближенных дружинников-Марутов или даже из Локапал-Миродержцев громогласно возглашал, косясь на краснеющего приятеля:

— Желаю удачи!

Желать, как говорится, не вредно...

Зато в беде Шачи цены не было. Не зря ее имя означало Помощница. Помощница и есть. Это пусть Шива-Разрушитель со своей половиной ругаются на всю Вселенную, а потом мирятся — опять-таки на всю Вселенную, и мудрецы озабоченно поглядывают на небо: не началась ли Эра Мрака, не пора ли запастись солью и перцем?

Нет уж, у нас удача отдельно, а гроза отдельно!

Я и опомниться не успел, как одна из апсар оказалась подле моих ног. На полу, изогнувшись кошечкой, таким гладеньким леопардиком с хитрющими плотоядными глазками. Машинально склонившись к ней, я оказался награжден превосходнейшим поцелуем и был вынужден сосредоточиться на теплом бутоне рта и проворно сновавшем язычке. Не скажу, что это не доставило мне удовольствия — но поцелуй был омрачен сознанием того, что я совершенно не различаю моих небесных дев. За исключением некоторых. Кто же это?.. Ну, разумеется, тонкостанная Менака, прапрапрабабушка всех тех сорвиголов, что сейчас расстреливают друг друга на Поле Куру; затем чаровница Урваши, за плечами которой десятка три-четыре совращенных аскетов (за это красотку не без оснований прозвали «Тайным оружием Индры»); и, конечно же, сладкая парочка Джана Гхритачи, близняшки из породы «Сборщиц семян» — потому что у любого отшельника, стоит ему узреть моих купающихся девочек, мигом начинается непроизвольное семяизвержение...

Очень удобно, когда хочешь вырастить будущего человека с хорошей родословной, но при этом убрать в сторонку рьяного папашу — особенно если папаша принадлежит к тем преисполненным Жара-тапаса¹ оборванцам, чье проклятие неукоснительно даже для Миродержцев!

Аскет-то после такого конфуза лет сто мантры бубнит, во искупление, ему не до случайного потомства — пусть хоть в кувшине с топленным маслом выращивают, безотцовщину!

В следующую секунду я выяснил, что целуюсь именно с Гхритачи (или с Джаной?); вернее, уже не целуюсь, ибо апсара смотрит на меня, как брахман на священную говядину, и ужас в ее глазках кажется мне изрядно знакомым.

— Владыка! Ты... ты моргаешь?!

---

¹ Та п а с — досл. «Жар» (второе значение — «подвиг»); особый вид энергии, накапливаемый членом любой касты, выполняющим свой долг, но особенно концентрируемый теми, кто сознательно предался аскезе, изгнанию плоти. Может быть обменен на соответствующий материальный или духовный дар; учитывается при выборе следующего перерождения, также расходуется при сбывающихся проклятиях и т. п.

Что мне оставалось после такого заявления, как не моргнуть изумленно?

Апсара вывернулась из моих объятий и резво отползла в сторонку.

— А что, собственно, тебя не устраивает? — осторожно спросил я, пересаживаясь на полагающееся мне кресло.

Оправившись от первого потрясения, Джана (или все-таки Гхритачи?!) оценивающе смотрела на меня снизу вверх.

— Да, в общем, ничего... Владыка. Тебе даже идет...

— В каком это смысле «идет»?!

Я начал закипать.

— В прямом. Просто раньше ты никогда этого не делал.

— Не... не моргал?!

— Ну конечно! Ведь Миродержцы не моргают!

Вот так встаешь утром, радуешься жизни и вдруг узнаешь о себе столько нового и интересного! Подойдя к полированному бронзовому зеркалу на стене, я пристально всмотрелся сам в себя. Попробовал не моргать. Глаза не слезились, и неподвижность век казалась совершенно естественной. Моргнул. Тоже ничего особенного. Не менее естественно, чем до того.

Змей Шеша их всех сожри, наблюдательных! Испортили настроение...

Я громко хлопнул в ладоши, сдвинув брови, и с этой минуты никого уже больше не интересовало: моргаю я или нет и стоит ли проснувшемуся Индре ополаскивать лицо. Потому что отработанный до мелочей ритуал вступил в силу — сто восемь юных прислужников, возникнув из ниоткуда, выстроились вдоль стен павильона со золотыми сосудами в руках, умелые массажисты принялись растирать меня благовонными мазями и омывать травяными настоями, покрывать кожу сандаловыми притираниями и украшать цветочными гирляндами.

После чего, облачась в подобающую сану одежду, я прошествовал к выходу, сопровождаемый мальчиками с опахалами из хвостов белых буйволов. Покинув павильон, я прогнал огорченных мальчиков и в одиночестве направился к казармам дружины.

3

На половине пути к казармам, откуда доносился веселый лязг оружия и молодецкие выкрики, меня остановил Матали, мой личный возница. Вернее, это я его остановил. Матали как раз выезжал из-за поворота дороги, мощенной тесаным булыжником и ведущей к границе Обители Тридцати Трех — дальше начинались пути сиддхов, доступные лишь посвященным. И то стоило быть внимательным, чтобы вместо какого-нибудь Хастинапура, где тебя ждет совершающий обряд раджа, не залететь в Пут, адский закуток, где в ужасной тесноте мучаются умершие бездетными.

Впрочем, к Матали это никакого отношения не имеет.

Чутьочку рисуясь, возница лихо подбоченился и позволил поводьям провиснуть. Так, самую малость, изящной дугой над кинутой под ноги шкурой пятнистой антилопы и свернутым в кольцо бичом — ни дать ни взять ручная змея прикорнула в тепле рядом с хозяином; а четверка буланых коней радостно ржала, чувствуя намек на свободу и одновременно с удовольствием повинуюсь твердой руке Матали.

Тень от белоснежного зонта падала наискосок, словно пытаясь прирастить бедро возницы к боковому щиту, предохраняющему от столкновений.

— Правый коренник ремни растянул, — поравнявшись, сообщил я Матали, чем в корне пресек его попытку восхвалить меня, перечислив все триста четыре моих прозвища вкупе с породившими их причинами. — Вон, виляет, как негуляная апсара... Куда смотришь, сута?¹

Матали придержал недовольно всхрапнувших коней и спрыгнул наземь. Коротко поклонился, на миг сложив ладони перед лбом. Дерзко сверкнул в упор ярко-синими глазами, напоминающими два сапфира в пушистой оправе ресниц. Знал, подлец: слабохарактерный Индра прощает своему суте больше, чем кому бы то ни было, и не потому лишь, что белокожий красавчик Матали знал любимицу-Джайтру,

---

¹ С у т а — возница (конюший) кшатрия-воина, в обязанности которого заодно входило сочинение хвалебных песен о своем господине.

мою знаменитую на все Трехмирье колесницу, как свои пять пальцев! Даже не потому, что лучше его никто не мог гонять колесницу в любом направлении, от змеиной преисподней Паталы до Кайласы, горной обители Шивы, куда надо подъезжать наитишайшим образом, если не хочешь получить трезубец в бок!

Знаток ездовых мантр, синеглазый Матали был моим любимцем по одной, и очень простой, причине. Он говорил мне правду в лицо гораздо чаще прочих. И если вы хоть когда-нибудь были Громовержцем, которому правду приходится долго и нудно в прямом смысле слова выколачивать из лстецов, — вы меня поймете.

Закончив разглядывать меня (что-то в этом взгляде показалось мне ужасно знакомым), Матали принялся разглядывать коренника. Точеные черты его лица (разумеется, возникли, а не гордого собой четвероногого!) постепенно принимали выражение, с каким мне доселе сталкиваться не приходилось.

Удивить Матали... проще заново вспахать океан!

Молча он принялся возиться с упряжью. Лишь изредка мою щеку обжигал мимолетный сапфировый всплеск. Я стоял рядом и поглаживал ладонью бортик Джайтры; колесница трепетала от моих прикосновений страстной любой из апсар. Чуюла, родная, — сегодня будет дорога! Куда — еще не знаю, но обязательно будет.

— Владыка желает отправиться на Поле Куру, дабы лицезреть поединки героев? — закончив труды праведные, спросил Матали высоким слогом.

И вновь, как в случае с Брихасом, я почувствовал некую напряженность в поведении легкомысленного суты.

Сговорились они, что ли?

— Позже, — не приняв тона, ответил я.

Хмурая тень набежала на лицо возникши, и колесничный зонт был здесь совершенно ни при чем.

— Но... Владыка вчера приказал мне с утра озаботиться Джайтрой, поскольку собирался...

— Да на что там с утра смотреть-то, Матали? Сам рассуди: за две недели почти всех столичных витязей успели пе-

ребить, а остальные — так, шушера, за редким исключением... нет, не поеду.

Пристяжной жеребец легонько цапнул меня за плечо, и пришлось так же легонько, но с показной строгостью хлопнуть злодея по морде.

Жеребец обиженно заржал и осекся под суровым взглядом возницы.

Лишь переступил с ноги на ногу да еще всхрапнул еле слышно.

— Именно сегодня, Владыка, — похоже, Матали не сиделось на месте и он непременно хотел силком утащить меня на Поле Куру, — будут торжественно чествовать вашего сына, Обезьянознаменного Арджуну! В ознаменование вчерашней гибели надежды врагов сына Индры...

— Кого?!

Гибель надежды врагов сына... ишь, завернул, чище Словоблуда!

— Я имею в виду незаконнорожденного подкидыша Карну по прозвищу Секач, злокозненного и...

Сам не понимаю, что на меня нашло. Еще секунда, и Матали схлопотал бы по меньшей мере увесистую оплеуху. Кажется, он тоже понял, что стоял на краю пропасти — поскольку в моей душе словно беременную тучу дождем прорвало. На миг даже померещилось, что слова возницы о подкидыше Карне-Секаче и его вчерашней гибели разбудили кого-то чужого, таящегося в сокровенных глубинах существа, которое называет себя Индрой; темный незнакомец просто-напросто забыл на рассвете проснуться и лишь сейчас вынырнул из тяжелой дремы, подобно морскому чудовищу из пучины... Зачем? Чтобы ударить безвинного Матали? За то, что сутра искренне радуется победе Серебряного Арджуну, моего сына от земной глупышки, мужней жены, возлюбившей богов пуще доброго имени?... Да что ж он, Матали, враг мне, чтоб не возликовать при виде трупа мерзавца, бывшего единственным реальным соперником Арджуну и поклявшегося в свое время страшной клятвой:

«Не омою ног, пока не плюну в погребальный костер Обезьянознаменного!»

Едва слова клятвы, данной покойным Карной-Секачом, пришли мне на ум — мир померк в глазах и из тьмы родился шепот майи-иллюзии.

— ...А этот неизменно любимый твой друг, о царь, который всегда подстрекает тебя на битву с добродетельными родичами, этот низкий и подлый хвостун Карна, сын Солнца, твой советник и руководитель, этот близкий приятель твой, надменный и слишком вознесшийся, отнюдь не является ни колесничным, ни великоколесничным бойцом! Бесчувственный, он лишился своего естественного панциря! Всегда сострадательный, он также лишился своих дивных серег! Из-за проклятия Рамы-с-Топором, его наставника в искусстве владения оружием, и слов брахмана, проклявшего его по другому случаю, а также благодаря лишению боевых доспехов своих он считается, по моему мнению, в лучшем случае наполовину бойцом!.. Наполовину... наполовину...

Пальцы рук, окаменев в судорожном сжатии, никак не хотели разжиматься. И фыркнувший жеребец, что стоял ко мне ближе всех, испуганно попятился, заражая беспокойством остальных собратьев по упряжке.

— Прости, Матали, — пробормотал я, глядя в землю и чувствуя, как в сознании затихают отголоски низкого голоса с еле заметной старческой хрипотцой.

Голоса, произнесшего слова, каких я никогда ранее не слышал.

— Прости. День сегодня... то моргаю, то умываюсь! Вот теперь чуть тебя не зашиб...

Как ни странно, он меня понял.

Сверкнул белозубой улыбкой, плеснул сапфировой влагой взгляда.

Не будь я Индрой, он, наверное, потрепал бы меня по плечу.

— Пощечина от Сокрушителя Твердынь дороже золотого браслета, подаренного любым из Локапал! Что браслет?! Зато ласка гневной десницы Владыки способна даровать миры блаженных самому последнему чаңдале-неприкасаемому!

— Лстец, — оттаивая, буркнул я. — Подхалим, пахнувший конюшней. Ладно, езжай... а на Поле Куру прокатимся. Только пополудни. Договорились?

Я еще долго стоял, провожая взглядом несущуюся Джайтру: буланое пламя распласталось в мгновенном рывке, хлопнул от ласки ветра стяг, рея над Матали — ах, как он привстал, сута, сутин сын, на площадке с бичом в руках! — и россыпь искр разлетелась вдребезги на гладких камнях дороги.

Россыпь медленно гаснущих искр.

Так же медленно, неохотно, засыпал во мне чужак, баюкая зародыш плохо предсказуемого гнева, способного прорваться в мое сознание с легкостью молнии, пронизывающей громады туч.

Брихас, Повелитель Слов, родовой жрец Индры — что же ты скрывал там, у балкончика, от своего Владыки?

Кроме того, никак не вспоминалось: действительно ли я вчера приказал Матали готовить колесницу для ранней поездки на Поле Куру?!

4

Налетевший порыв ветра растрепал мне волосы, принесся от казарм взрыв здорового мужского хохота — небось кому-то из дружинников сейчас крепко досталось! — и я опомнился.

Негоже Владыке стоять столбом поперек дороги (тьфу ты, чуть не подумал — столбовой дороги!) и хлопать ресницами. Особенно когда ни то ни другое ему не положено. Это Шива у нас Столпник, как прозвали грозного Разрушителя упыри из его замечательной свиты — прозвали якобы за высочайший аскетизм, а на самом деле за некую часть тела, которая у сурового Шивы и впрямь столбом стоит с утра до вечера, а потом с вечера до утра!

Еще и веселятся на своих кладбищенских посиделках: «Милость Шивы — это вам не лингам собачий!» И уж совсем от смеху корчатся, когда кто-нибудь из свежих покойничков интересуется: что означает на жаргоне пишачей этот самый лингам?

Им, упырям, хорошо: хочешь — моргай, не хочешь — не моргай...

И вот тут-то появилась она. Та самая женщина, на которую я поначалу даже не обратил особого внимания. И не только потому, что, погружившись в размышления, не заметил ее приближения. Уж больно непохожа была она на безликих красавиц апсар. Стройная, но в меру, миловидная, но опять же в меру, одетая в простенькое бледно-желтое сари, она шла по обочине дороги, неся на голове высокогорлый кувшин, — и из треснувшего донца тяжело шлепались на землю капли воды.

Так и тянулись за ней быстро высыхающей цепочкой. Будто утята за сизокрылой мамашей.

— Эй, красавица! — улыбнувшись, бросил я, на миг забыв о Матали и сегодняшних несуразностях. — Кому воду несешь? Гляди, вся вытечет, придется заново ноги бить!

Женщина остановилась рядом со мной, ловко опустила кувшин к своим ногам и посмотрела на меня. Этот взгляд я запомню навсегда — еще никто не смотрел на Владыку Тридцати Трех подобным образом. Спокойно, приветливо, словно на старого знакомого, с каким можно посудачить минуточку-другую, отдыхая от тяжести ноши, а потом так же спокойно распрощаться и двинуться своим путем — разом забыв и о встречном, и о разговоре.

И еще: в удлинённых глазах женщины с кувшином, в голубых озерцах под слегка припущенными ресницами, не крылась готовность отдаться немедленно и с радостью.

— Ты не апсара, — уверенно сказал я, с трудом удерживаясь от странного желания прикоснуться к незнакомке.

— Я не апсара, Владыка, — легко согласилась она, и бро-

дьяг-ветер взъерошил темную копну ее волос, как незадолго до того делал это с моими.

Капли, вытекающие из кувшина, впитывались землей — одна за другой, одна за другой, одна...

Слезы приветливых голубых глаз.

— Я тебя знаю?

— Конечно, Владыка. Каждый день я хожу мимо тебя с этим кувшином, но ты, как истинный Мировдержец, не замечаешь меня.

— Как тебя зовут?

Спрашивая, я случайно заглянул в ее кувшин: он был полон, по край горлышка, словно не из него без перерыва бежала вода.

— Меня зовут Кала, Владыка.

Кувшин ручным вороном вспорхнул на ее плечо, и цепочка капель потянулась дальше — к моему дворцу от границы Обителя Тридцати Трех.

Уходящая женщина вдруг показалась мне невыразимо прекрасной.

Чуть погодя я двинулся следом.

Она была права. Я действительно никогда раньше не обращал внимания на Калу-Время. Как любой из Локапал. Но сегодня был особенный день.

Присев, я коснулся земли в том месте, куда впиталась капля влаги из кувшина Калы; одна из многих.

Земля была сухой и растрескавшейся.

Глава II

ГРОЗА В БЕЗНАЧАЛЬЕ

1

Террасы и балконы, переходы и залы превращались в пустыню при моем появлении. Лишь торопливый шорох подошв изредка доносился из укромных уголков, отдаваясь эхом под сводами — предупрежденные о том, что Владыка сегодня встал с лицом, обращенным на юг, обитатели двор-

Оглавление

Пролог 5

Книга первая

ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ ВЛАДЫКА ТРИДЦАТИ ТРЕХ

НАЧАЛО КОНЦА

Глава 1. КОГДА БОГИ МОРГАЮТ	14
Глава 2. ГРОЗА В БЕЗНАЧАЛЬЕ	28
Глава 3. СВАСТИКА ЛОКАПАЛ	46
Глава 4. ОТЕЦ И СЫН	64
Глава 5. ПЕСНЬ ГОСПОДА	77

Книга вторая

ГАНГЕЯ ГРОЗНЫЙ ПО ПРОЗВИЩУ ДЕД

Часть первая

МЛАДЕНЕЦ

Глава 1. ДИТЯ, КОТОРОГО НИКТО НЕ ХОТЕЛ	98
Глава 2. МАЛЫШ ГАНГЕЯ — ТЮРЬМА ДЛЯ БОГА	113
Глава 3. СКАЗАНИЕ О ДОБРЫХ ДЯДЯХ	124

Часть вторая

УЧЕНИК

Глава 4. ДОРОГА В ОСТРОВНОЙ АШРАМ	146
Глава 5. ЗАПАХ РЫБЫ	157
Глава 6. ЛЮБОВЬ ОПЕКУНА И ТОПОР РАЗРУШИТЕЛЯ	179

Часть третья

НАСЛЕДНИК

Глава 7. ГОРОД СЛОНА	196
Глава 8. СУДЬБА ПОКАЗЫВАЕТ КОГТИ	211
Глава 9. ГРОЗНЫЙ	228

Часть четвертая
РЕГЕНТ

Глава 10. СМЕРТЬ ПРИХОДИТ С НЕБА	257
Глава 11. МЕРТВЕЦЫ НЕ ЛГУТ	275

Часть пятая
ОПЕКУН

Глава 12. МАТЬ, МАТУШКА И МАМОЧКА	290
Глава 13. ОТВЕРЖЕННАЯ	309
Глава 14. СВОБОДА НАЧИНАЕТСЯ СО СЛОВА «НЕТ»	328

Часть шестая
ДЕД

Глава 15. ВЕЛИКАЯ БХАРАТА	357
Глава 16. ЧЕРНЫЙ ОСТРОВИТЯНИН	368
Глава 17. В ТОЙ СЧАСТЛИВОЙ СТРАНЕ	395

Книга первая
ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ
ВЛАДЫКА ТРИДЦАТИ ТРЕХ

НАЧАЛО КОНЦА

Глава 6. ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ГРОМОВЕРЖЦА	410
Глоссарий имен к роману Г. Л. Олди «Черный Баламут»	431